

УДК 94(476)“14-15”

ЕВРОПЕИЗАЦИЯ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО

канд. ист. наук, доц. А.А. СЕМЕНЧУК

(Гродненский государственный университет им. Я. Купалы)

Рассматриваются механизмы европеизации общественно-политической жизни Великого Княжества Литовского и каналы дестрибуции европейских культурных моделей: религия, образование, правовая система, художественная культура. ВКЛ представляло собой мультикультурное пространство, в котором преобладали две цивилизационные модели – *Slavia orthodoxa* и *Slavia romana*. По мере расширения последней первая сокращалась. Под цивилизацией *Slavia orthodoxa* подразумевается наследие Византии и Киевской Руси в ВКЛ. После падения Византийской империи ее культурное влияние постепенно угасает. Под цивилизацией *Slavia romana* в основном следует понимать польское культурное влияние, а также усиление позиций католической религии. Происходила унификация правовой системы Королевства Польского и Великого Княжества Литовского, распространение общеевропейских образовательных систем, художественных стилей, литературных жанров и форм, что придавало культуре ВКЛ европейский характер. В соответствии с теориями культурной памяти и мест памяти демонстрируются новые возможности и подходы в изучении истории Великого Княжества Литовского XV–XVI вв. Отмечается значение Флорентийской унии и Реформации в процессе оксидентализации ВКЛ.

Ключевые слова: европеизация, оксидентализация, Великое Княжество Литовское, *Slavia orthodoxa*, *Slavia romana*, культурная память, схоластическая система, Флорентийская уния, Ренессанс, Реформация.

Введение. В соборе St. Pierre le Jeune в Страсбурге можно увидеть фреску «Поход народов Европы к Кресту» (1419 г.). На ней изображены представители разных народов во главе с Германией и Галлией, которые верхом на конях тянутся к символу христианства – Кресту. В последних конниках мы узнаем Хунгарию и Полонию, они оглядываются на пехоту – это *Ogiens* и *Litavia*, православные славяне и литовцы ВКЛ, которые воспринимались в Европе как язычники. Фреска была написана после Констанцкого собора (1414–1418), на котором рассматривались и проблемы объединения христианских конфессий. Фреска должна была дать представление о границах тогдашней Европы и населяющих ее народах. Рефлексии на тему данного произведения, кроме чисто эстетических и искусствоведческих, вызывают немало иных вопросов: кого называть европейцами, насколько «пехота» осознавала себя европейцами и т.д. Ответы на них находятся не только в сфере искусства, христианизации и евангелизации, но и в сфере культурной памяти.

Христианство западного образца со своими духовно-интеллектуальными и культурными институтами на самом деле к нам пришло позже, поэтому очевидно нельзя отрицать некоторую «цивилизационную молодость» (Ежи Клочовски) того типа культуры, который развивался на землях современных Беларуси и Литвы (мы будем вести речь о них, не включая украинские территории). Однако нельзя однозначно утверждать, что по этой причине общество Великого Княжества Литовского было отсталое. ВКЛ находилось не столько на стыке западной (католической) и восточной (православной) цивилизаций, сколько на стыке двух цивилизационных систем, которые Рикардо Пиккио называет *Slavia orthodoxa* и *Slavia romana* [1, с. 3–74]. На территории ВКЛ происходило успешное освоение и трансформация культурных моделей, принесенных с Балкан через Киев (византийская модель) и из Польши (римская модель). Перенятые извне, они накладывались на местную полиэтническую традицию, создавая симбиоз культур, а точнее свой вариант поликультурной системы, значение которой трудно переоценить.

Когнитивный потенциал элит ВКЛ был довольно значительным, что позволило успешно справляться с вызовами эпохи. Уже в начале XVI в. тут был издан Первый Литовский Статут, который (также как второй и третий) демонстрировал достижения правовой и общественно-политической мысли. По образцу Короны Польской успешно трансформировалась правовая система в целом с целью их постепенной унификации, чтобы, как писал Любавский, «...литвин в Польше начал находить то же самое, что и дома, а дома, то же самое, что в Польше» [2, с. 6].

Книгоиздательская деятельность Франциска Скорины, которая почти синхронно совпадала с деятельностью знаменитых европейских печатников – Альда Мануция, Микулаша Штэцины, Швайпольта Фиоля и др., – это одно из революционных явлений европейского Ренессанса – также отчетливо демонстрирует культурный уровень общества. Практически одновременно с Европой у нас начинают распространяться реформационные идеи, что некоторые исследователи непосредственно связывают с гуманизмом и Возрождением. Далее «догоняние» Европы в так называемой духовной сфере достигло еще больших успехов: архитектурный стиль барокко фактически из радзивиловского Несвижа начал завоевывать Центральную Европу.

Эпоха Возрождения продемонстрировала тождественность механизмов формирования интеллектуальной мысли в ВКЛ и Европе. Формально до конца XVI в. (до 1596 г.), а фактически до конца XVII в. оставаясь в пространстве под названием *Slavia orthodoxa*, белорусские земли ВКЛ в культурном плане всё больше приобретали характер *Slavia romana*. При этом значение нашей культуры было важно не только само по себе, но также с точки зрения влияния ее на восточную соседку Россию, особенно после поражения «велеславного и велесильного царства греческого» от «безбожных агарян» (1453 г.). В этих условиях, как писал А.С. Лаппо-Данилевский, российские школы начали «черпать содержание своей диалектики из латинского образования. Школы подобного рода появились, однако, в России только в XVII в. и также, главным образом, через посредничество польское» [3, с. 29–30]. А.С. Лаппо-Данилевский по известным причинам говорил о польском влиянии, хотя правильнее было бы говорить о влиянии школ и образования Великого Княжества Литовского (достаточно вспомнить деятельность Симеона Полоцкого).

За восточной границей ВКЛ тогдашняя Европа заканчивалась, т.е. переставали действовать культурные механизмы европейского типа, поскольку не существовало институтов дистрибуции, которые формально выполняли социальный заказ в сфере культуры и общественной мысли (школы, университеты, типографии, библиотеки). Абсолютно иной формат взаимодействия властей и народа (авторитарно-тираничный тип управления) не позволял сформироваться некоторым росткам шляхетской (дворянской) демократии, не сформировался «политический народ» в таком широком понимании, как в Великом Княжестве Литовском. Полное отсутствие свободы в Великом Княжестве Московском фатально воздействовало в том числе на формирование интеллектуальной среды. Познакомившись с реалиями социально-политической жизни Московии начала XVI в., дипломат Сигизмунд Герберштейн воскликнул: «Трудно понять, то ли народ по своей грубости нуждается в государе-тиране, то ли от тирании государя сам народ становится таким грубым, бесчувственным и жестоким» [4, с. 93]. Достаточно резкое высказывание из уст дипломата союзной с Московским княжеством державы – империи Габсбургов. Ситуация практически не изменилась и под конец века, когда в Московии оказался иезуит Антонио Поссевино и был потрясен отсутствием европейских норм цивилизации и нравами этой страны [5, с. 13, 14, 18]. В Великом Княжестве Литовском ситуация была совершенно иная.

С периода средневековья политический народ ВКЛ и его культура синхронно с другими европейскими народами переживали типологически подобные явления в образовании, правовой системе, основанной (уже в середине XVI в.) на нормах римского права, магдебургском праве для городов и местечек, Ренессанс (в его североевропейской разновидности), реформацию и контрреформацию. Для художественной культуры на белорусских землях характерна смена по очереди всех основных европейских стилей: романского (византийская его разновидность с сильными западноевропейскими влияниями), готического, ренессансного, барокко. Деятели науки и искусства в Великом Княжестве Литовском, как и во всей Европе, находились под опекой меценатов, что было характерно для эпохи Ренессанса.

Основная часть. Говоря о зарождении культуры Нового времени на белорусских землях Великого Княжества Литовского, необходимо выяснить, как тут обстояли дела с основными факторами культуры – обучением и школой. Сегодня в историографии существует довольно богатая литература о школах ВКЛ, где изложены основы, программы, содержание обучения в образовательных учреждениях разного типа [6–13]. Эта проблема, в свою очередь, тесно связана с религиозной проблематикой, поскольку школа с периода средневековья могла развиваться только как интегральная часть конфессиональной системы. Религиозная ситуация на белорусских землях в XIV–XVI вв. была неоднозначная. Тут встречались и сосуществовали язычество, православие и католицизм, с середины XVI в. появляется протестантизм, в конце века – униатство. Феномен такого культурно-религиозного симбиоза уникален для истории Европы.

Само название «Русь» – долгое время это был скорее конфессионим [14, с. 121–201; 15, с. 77–87; 16, с. 17], чем этноним – обозначало православное население территорий, некогда находившихся в орбите политического влияния Киева. С XI в. на наших землях распространяются письменность и культура византийско-славянского типа (*Slavia orthodoxa*) в основном среди богатых мещан и аристократов. Центрами культуры и просвещения были дворы православных иерархов. Известно, что в Полоцке при Софийском соборе уже в XII в. существовала довольно богатая библиотека, которая пополнялась за счёт книг из местного скриптория. Языком науки был церковнославянский. Мы не знаем, как выглядела система образования в Полоцком, Туровском или в Гродненском княжествах, если вообще можно говорить о системе: немногочисленные школы при церквях и монастырях всего лишь обеспечивали потребности православного клира и княжеского двора.

Катализатором культурных процессов послужило вступление в 1386 г. на королевский трон в Кракове великого князя литовского Ягайлы и принятие им католичества. С этого момента широко открылись двери для взаимных влияний культур Польши (а также государств Ягеллонской коалиции) и Великого Княжества Литовского. Молодежь из Беларуси, Литвы, Украины потянулась в Пражский университет, в новооткрытую (1400 г.) Краковскую Академию, а выдающиеся художники из «русских» земель ВКЛ приглашались для украшения утонченными «византийскими» росписями католических святынь в Краков,

Сандомир, Люблин. Процессы оксидентализации общества Великого Княжества Литовского шли довольно быстрыми темпами, благодаря возможностям граждан путешествовать по всему свету, получать образование и, как тогда говорили, «огладу». Жители Великого Княжества направлялись в Краков и далее на Запад «для набытья лепшого щастья своего и навченья...». В Статуте 1529 г., в разделе III (п. 8), отдельно прописывались права на получение образования: «Волно всим з земли господарское для навченья вчинков рыцэрских до всяких земель, кром земель неприятельских господар дозволяеть» [17, с. 160]. Правом этим пользовались «княжата и панове хоруговные, шляхта и бояре преречонные».

В отличие от Руси Московской, где в конце XIV – начале XV вв. начинается так называемое «второе южнославянское влияние» [1, с. XIII, 28], в ВКЛ, как и во всей Европе, накануне падения Константинополя в 1453 г., греко-византийские традиции начинают утрачивать своё значение. Правда, передовые европейские тенденции еще слабо доходили до нас, чему был ряд причин: 1) значительная удаленность от тогдашних центров интеллектуальной жизни, 2) пограничное положение на стыке двух разных культурных формаций (латинской и византийской) и вер; 3) доминанция феодальной структуры при слабой урбанизации и 4) дефицит интеллектуального потенциала. Однако препятствия успешно преодолевались, и в целом культура Великого Княжества Литовского развивалась в том же русле, что и вся европейская культура. Сравнивая средневековую Европу с развитыми в то время Китаем, Индией, странами ислама и Византией, выдающийся исследователь европейского средневековья Жак Ле Гофф утверждал, что «уровень техники, хозяйственных структур, общественной организации повсюду был тот же. Там (на Востоке – А.С.) больше было богатства, пышности, утонченности, здесь (в Западной Европе – А.С.) – больше простоты и бедности, но суть одна и та же. И только вместе с промышленной революцией возникает существенная разница между странами, которые ею охвачены, и теми, которые ее еще не изведали» [18, с. 17]. Так что, следуя логике знаменитого ученого в средние века, между Западной и Восточной Европой существовала незначительная разница.

Великое Княжество Литовское в средневековье и раннем Новом времени не испытало опустошительных набегов кочевников, разрушительных войн с насаждением чужих культурных стереотипов. Развиваясь в условиях относительной стабильности, оно имело возможность гармонично развивать свою оригинальную культуру, которая была основана на полиэтнической основе, и обогащать ее наилучшими образцами европейской культуры.

И далее культура продолжала развиваться в двух основных направлениях – сакральном и фольклорном, либо культура высокая и низкая, культура элит и народа. Причем в пространстве *Slaviae romanae* культура в значительной степени секуляризировалась, отходила от теологии, в то время как православная культура в ВКЛ оставалась тесно связанной с церковью. Таким образом, культурное пространство *Slavia orthodoxa* уменьшалось вместе с сокращением влияния православной конфессии, а *Slaviae romanae* расширялось не только вследствие усиления влияния католичества, но и ввиду привнесения в культуру новых светских явлений.

Надо согласиться со знатоком старобелорусского языка В.М. Свяжинским, что одной из причин подобной ситуации был церковно-славянский язык, который был профетическим, т.е. искусственно созданным специально для записи религиозного текста [19, с. 115]. «Фатальность бытования кириллического письма на Беларуси заключается в его ритуальной природе и обусловлена этой неконвенциональностью ритуальных кириллических текстов, которые, как известно, касались не только синтагматического, но и парадигматического плана этих текстов: именно из-за своей средневековой громоздкости, поливариантности средневековое кириллическое письмо не могло конкурировать с более совершенным латинским» [19, с. 115]. А кроме того, те, кто пользовался церковно-славянским языком, «представляли собой относительно небольшую группу книжников, их было мало, и «их свобода в большей степени, чем у их латинских коллег, была ограничена сакральным *imitatio*» [1, с. 26–27]. Думается, что и Кирилл Туровский, транслятор византийской культурно-религиозной традиции на белорусских землях, по этой самой причине более известен как религиозный подвижник, нежели оригинальный мыслитель – ученый типа доминиканцев Альберта Великого (около 1193–1280) либо Фомы Аквинского (1225–1274).

Мы разделяем идею, что *главной интегрирующей частью культуры является образование*. Начиная с середины XIII в. (создание ВКЛ), большого количества образованных людей требовала великокняжеская канцелярия, где документация велась на старобелорусском, латинском и немецком языках. Первый из них употреблялся для контактов внутри ВКЛ, латинский – для реляций с Западной Европой, особенно с папским престолом. Немецкий язык традиционно был распространен в столице государства в среде немецких купцов и ремесленников, а также для контактов с Тевтонским Орденом и Священной Римской империей.

До 1387 года, т.е. до момента принятия католичества в качестве государственной религии, в Великом Княжестве Литовском жили в относительном согласии между собой православные и язычники, начали появляться евреи и татары, которые возводили мечети и синагоги, караимские кинессы. Смело можно говорить о феномене толерантности, которую можно было встретить еще только в Золотой Орде, но не в средневековой Западной Европе, где доминировал религиозный фанатизм [20, с. 75]. Однако по-

сле крещения по католическому обряду власти ВКЛ старались поставить православную культуру в зависимое положение. Так, известно, что Городельская уния, подписанная 2 октября 1413 г., не была равноправным договором, поскольку, по ней в состав Панов-Рады могли входить только католические епископы, а православные не имели на это права. То же самое касалось высших государственных должностей. Их могли занимать только католики. Таким образом, неопиты литовцы гарантировали себе преимущество над белорусами. В восточнобелорусском городе Полоцке, где подавляющее большинство жителей были православными, по привилею 7 октября 1498 г. на магдебургское право, войт лично назначал 20 радцев: 10 католиков и 10 православных [21, с. 69].

17 февраля 1387 г. король польский и великий князь литовский Ягайло объявил о передаче имений новосозданному католическому епископству в Вильно. На протяжении следующей недели дал владения семи приходским костёлам как в Литве, так и на Руси, обязав их выделить место «*pro plebania, vicario et clerico*» [22, с. 19]. Вместе с христианизацией Литвы по латинскому обряду начала возникать сеть прикостельных школ. Первая из них, как отмечал польский историк Ежи Охманьский, возникла при виленской кафедре после 1387, но до 1397 г., другая – в Троках около 1409 г. [10, с. 115–117; 23, с. 113–115]. В 1387–1430 гг. возникли приходы, а вместе с ними школы в Гонёндзе, Гродно, Лиде, Волковыске, Новогрудке, Ошмянах, Крево, Зигмунтишках, Субботниках, Быстрице, Браславе и других местностях. В 1431–1500 гг. возникали очередные десятки приходов и школ. Из Польши прибыли первые монахи, которые основывали монастыри: францисканцев (в Вильно, Ошмянах), бернардинцев (в Гродно, Полоцке), доминиканцев (в Вильно), бенедиктинцев (в Троках). Ксёндз Ян Курчевский утверждал, что францисканцы и доминиканцы уже в XIII в. занимались душпастерской деятельностью в Литве: „Z Kijowa przychodzi na Litwę około 1230 r. sw. Jacek Odroważ, dominikanin, przebiega Ruś aż do Wołgi i Litwę aż do Gdańska. Po jego śladach przychodzi na Litwę jego uczeń błogosławiony Wit, Polak, prałat krakowski, spowiednik Bolesława Wstydliwego. Zakłada kościół i *biskupstwo litewsko-ruskie w Lubczu, miasteczku należącym do Andrzeja Kijana*, bojaryna mendogowego; sam zostaje poświęcony na biskupa przez Fulkona, arcybiskupa Gnieźnieńskiego. W Kijowie w tym czasie zasiadał biskup Gerhard z zakonu dominikanów, jako biskup Rusinów” [24, с. 21].

Еще во время IV Латеранского собора в 1215 г. была принята конституция «*De magistris scholasticis*» («О школьных учителях»), в которой заявлялось: «Некоторые из-за отсутствия средств лишены возможности учиться читать и развиваться. Потому Латеранский Собор (третий – А.С.) издал благотворительное постановление, чтобы “в каждом кафедральном костёле предназначить соответствующий бенифиций для учителя, чтобы бесплатно учил его клериков и других убогих учеников, и таким образом обеспечивал необходимые средства содержания для того, кто учит, а тем, кто учится открывал дорогу к знаниям... Он будет в меру своих возможностей бесплатно учить клериков этих и других костелов грамматике и другим предметам... Костёл метрополитальный должен иметь также теолога, который учил бы священников и других Святому Письму...”» [25, с. 247]. В том же 1215 году папа Иннокентий III утвердил орден св. Доминика. Этот орден создал могучую теологично-философскую школу во главе со знаменитым Фомой Аквинским. Доминиканцы пытались приспособить перипатетическую философию для использования ее в школах [3, с. 27]. Это было началом долгого процесса создания основ новой системы образования и одновременно процесс укрепления связей нашей части Европы с Западом, процесс включения ее в западноевропейскую цивилизацию.

Однако процессы оксидентализации на землях ВКЛ шли рука об руку с процессами ориентализации, или византинизации. Так или иначе, большая часть населения с территорий современной Беларуси и Украины исповедовала православие. Это была местная версия православия со своими институтами, правда, не до конца оформленными в иерархическую структуру, со своими традициями, в том числе толерантного отношения к другим конфессиям, со своими способами духовного и светского обучения. Без сомнения, на наших территориях (в отличие от самой Византии, где существовали академии и другие высшие учебные заведения) [26, с. 478–503; 27, с. 366–400] в средневековье не сложилась школьная структура высшего типа. В принципе, как отмечал Ежи Клочовский, мы не вышли за рамки школьной программы еще I тысячелетия нашей эры. Славянский Восток обошла революция, связанная с формированием в XII–XIII вв. великой, динамической школьной культуры, которую мы называем схоластической, и которая так существенно повлияла на всё культурное развитие как Западной Европы, так Польши, Чехии и Венгрии. На византийско-славянских территориях более бедным и односторонним было индивидуальное творчество, отсутствовали многие области творчества, характерные для схоластической культуры [28, с. 419].

Ситуация изменилась в XIII–XIV вв., когда на белорусских землях сформировалось новое государство – Великое Княжество Литовское. С этого времени изменился вектор культурного развития на территории современной Беларуси. Если раньше он был направлен по линии юг-север, то с XIV в. более чувствительным становится направление запад-восток. Особенно существенную роль сыграло принятие христианства из Рима (уже во времена Миндовга) и широкое распространение латыни в качестве языка богослужения и науки. Можно говорить о новом этапе крещения языческого балто-славянского населе-

ния ВКЛ на рубеже XIV и XV вв., что привело к возникновению многочисленных школ, а также конкуренции между ними. Хотя, как уже говорилось, многие представители знати оставались православными не смотря ни на что, а массовый их переход в католичество (Сапеги, Глебовичи, Воловичи и др.) состоялся только во второй половине XVI века, причем через протестантизм.

В целом католическая система образования повторяла схоластическую систему европейских школ. Просвещение и образование в Западной Европе распространялись постепенно и охватывали всё более значительное число людей весьма медленно. В средневековом городе с его корпоративным строем и замкнутостью общественных групп наука была занятием узкого круга профессионалов. Во времена Возрождения ситуация начала меняться. Но характерно, что даже автор солидной монографии «Цивилизация Возрождения» Жан Делюмье фиксирует положительные перемены в системе образования только в конце XV–XVI в. И связано это было не только с изобретением и распространением книгопечатания (кстати, у нас этот фактор и катализатор культурных процессов почти синхронно совпадает с Западной и Центральной Европой), но и с накоплением отдельных научных фактов, которые именно в этот период стали определять общую картину развития просвещения и образования [29, с. 317].

Постепенно общая культура, основанная на знании письменной традиции, становилась весьма важным фактором карьеры человека. Это в первую очередь касалось городов и богатого мещанства, где умение писать и считать становилось абсолютно необходимым залогом успехов в предпринимательстве. Довольно состоятельный полоцкий купец Лука Скорина посчитал необходимым дать высшее образование одному из своих сыновей, вероятно, также для того, чтобы успешнее вести торговлю.

Образование было также необходимым условием для людей, стремящихся сделать карьеру при магнатских или королевском дворах [30, с. 139–157]. Повсеместно требовались письменные свидетельства, до этого не известные во внутрисударственной практике, что подтверждает Метрика Литовская. Даже по формуляру документов, вышедших из великокняжеской канцелярии, к моменту начала правления Сигизмунда Августа заметны перемены в сторону его совершенствования и унификации с принятыми в Европе образцами [31, с. 288–323].

Социально-экономические реформы 50–60-х гг. XVI в. в ВКЛ, вызванные объективной необходимостью прогрессивных перемен в стране, проводились хорошо образованными людьми. Так называемая «волочная помера» (аграрная реформа) реализовывалась чиновниками (судьями коморного суда, мерниками), которые знали европейскую метрологию (Себастьян Дыбовский, Лаврентий Война, Пётр Фальчевский и др.).

Магдебургское право требовало повышения квалификации юристов в городах. Так, например, войтом столичной Вильни в середине XVI в. был знаменитый правовед и историк Августин Ротундус. Магнаты и шляхта для более эффективного ведения хозяйства нуждались в образованных людях. Документы для костёла, городские привилегии, частично дипломы для шляхты писались на латыни. Однако подавляющее большинство актов писалось «по-руску», «простой мовой», даже католическое духовенство пользовалось этой мовой [20, с. 93].

Наиболее распространенным типом школ была приходская школа. Сегодня нам кажется, что такие школы существовали всегда, но в Европе приходские школы возникли только в XII в.; по крайней мере особый акцент на их распространение был сделан после IV Латеранского собора 1215 г. Это не означало, что не было других форм начального образования, в том числе всё более популярным становилось домашнее обучение. Модель приходской школы выглядела следующим образом: ксёндз лично учил нескольких мальчиков, обычно министрантов – костельных служек. Но в больших городах приходская школа разрасталась иногда до масштабов значительной институции с собственным штатом учителей и несколькими десятками учеников. Власти пытались установить контроль над школами: шла речь о финансах, должности ректора школы, влиянии на школьные программы растущих потребностей мещан. Впоследствии эти процессы мы можем наблюдать также на примере братских школ Бреста, Могилева, Минска, Полоцка и других городов. Исследования польских историков показывают, что в начале XVI в. почти в каждом католическом приходе, как городском, так и сельском, существовала школа [32, с. 93–98].

Более высокий уровень и широкую программу представляли в принципе старые школы, давно существовавшие при кафедральных капитулах, или коллегиятах; везде в составе капитулы находился схоластик, который отвечал за деятельность такой школы [33, с. 9]. Наиболее яркие личности, закончившие такие школы, – это православный Франциск Скорина, католик Якуб с Котры, протестант Абрахам Кульвец.

На наш взгляд, иностранцы Петр Роизий, Станислав Гозий, Ян Милий не чувствовали здесь себя чужими и быстро натурализовались в местном обществе именно благодаря общим основам образования (тривиум и квадриум), которое и в Европе, и здесь было латиноязычным. Не только поляки (Августин Ротундус, Мацей Стрыйковский, Симон Будный, Андрей Волан, Петр Скарга и др.) легко становились местными, но также итальянцы Александр Гванини, Жан-Мишэль Брутто, француз Страториус и др. легко адаптировались в местных условиях, получали земельные пожалования и даже шляхетское достоинство за свои услуги в культурно-просветительской сфере.

В школах изучали также «русскую мову». Под конец XVI в. этим активно занимались иезуиты, о чем свидетельствует «русский» перевод католического Катехизиса 1585 г. [34]. В созданной ими в 1570–1579 гг. Виленской Академии преподавалась «русская мова»: каждый день утром и пополудни школяры учились читать и писать на старобелорусском, а также занимались переводами, учили на память тексты из Библии и Катехизиса. Об этом ярко свидетельствует расписание занятий в Академии за 1583 г.: *Index lectionum et exercitationum, quae in singulis gymnasiis catholicae Academiae Vilnensis cal. Octobris anni 1583*. Оттуда же узнаем имя одного из преподавателей «русской мовы» – Лаврентий Маницвиус из Ковна (*Wawrzyniec Monicovius*).

Не исключено, что краковский издатель Швайпольт Фиоль печатал свои кириллические книги в 90-е гг. XV в. неспроста, а по распоряжению великого князя Литовского Казимира Ягеллончика для обеспечения православных церковей литургической литературой.

В начале XVI в. старобелорусский язык изучали в кафедральной школе Вильни, о чем свидетельствует надпись на книге, принадлежавшей виленскому канонику (1508–1516) и великокняжескому писарю (1492–1511) Адаму Якубовичу из Котры (около Гродно) (?–1517 г.). На книге «*Majus, De prisorum verborum proprietate*» (*Tarvisiae 1477, Treviso около Венеции*) он оставил две записи: одну латинскую – «*Certe sum Ade Lithuani*», а другую автобиографическую «русскую» – «Книга Адамова Якубовича с Котры, с Литвы з волости городенское, Зброшкова брата, ему ж накладался на науку до Кракова болей десяти лет, из детинства ест при школе виленской ласкаве ховался, небошчик князь Ендрий, негды каноник и кустош костела виленского святого Станислава» [35, с. 368].

Кроме кафедральной школы в Вильно с 1513 г. существовала приходская при фарном костёле св. Яна [10, с. 124], основанная испанцем Петром Роизием. В бытность великим князем литовским Александр Ягеллончик (1492–1506) способствовал тому, чтобы Вильно превратилось в настоящий центр интеллектуальной жизни ВКЛ, где находили применение своим выдающимся способностям ученые-гуманисты из Польши и Литвы. В это время идеи Возрождения уже проникли в Корону, а оттуда на наши земли. При дворе Александра Ягеллончика работали знаменитые ученые – астроном Войцех из Брудзева, гуманисты Эразм Тёлок, Ян из Освенцима, профессор медицины Ян Урсинус и многие другие.

Обучение в Краковском либо другом европейском университете давало возможность получить государственную должность, как это было с Адамом Якубовичем из Котры, Франциском Скориной и др. Магистры и доктора могли даже претендовать на шляхетское достоинство [36, с. 588], потому выпускники школ и тянулись на учебу в Краковскую Академию. До 1550 г. 366 литвинов учились в краковской *Alme Matris* [23, с. 113; 37], часто заканчивали ее со степенью бакалавра, реже – магистра. Также литвины посещали заграничные университеты в Праге, Лейпциге, Балонье, Падуе и других городах [38; 39]. Образование, по мнению польского историка Адама Кёрстэна, наряду с имущественным положением, связями, значением рода и престижем являлось одним из пяти критериев, по которым можно отличить магнатию как социальный слой от всего шляхетского сословия [40, с. 17–18]. Хотя в XVI в. материальное расслоение шляхты еще только начиналось, но элиты формировались в том числе и по признаку отношения к образованию, культуре и науке. Высшей доблестью было покровительствовать последним. Стоит вспомнить слова французского исследователя Даниэля Буваа, высказанные им в отношении Виленского университета XIX века, но справедливые также и в смысле диалектики связи высшей и начальной школ вообще: то, что школы дают университету, намного менее важно, чем то, что они от него получают [41, с. 11].

Университет в Кракове, основанный Казимиром Великим в 1364 г., пришел в упадок, а затем был заново открыт стараниями королевы Ядвиги и Ягайло в 1400 г. Король окружил его особой опекой, ибо он стал «кузницей кадров» литовской интеллигенции. В восстановленном университете официально акцентировалось внимание на потребностях, связанных с миссией католицизации Литвы. Уже в 1397 г. королева Ядвига, основывая коллегиум для студентов в пражском университете, подчеркивала эти потребности. В 1402–1440 гг. в Краков прибыли около 38 литвинов, а некоторые из них, как например Станислав из Вильни, после 1427 г. даже получил звание профессора этого университета. Вторым ректором Ягеллонского университета (в 1401 г.) был литвин Ян, князь дрогичинский, возможно внук Кейстута. Он в 1381 г. оставил Литву, принял крещение в Праге, при дворе Вацлава Люксембургского, и начал штудировать латынь и теологию. В 1389 г. Ян находился в Кракове в качестве кафедрального прелата при своем дяде-короле. Наконец в 1401 г. он стал ректором университета [42, с. 90]. Список студентов-выходцев из Литвы открывает в академическом году 1401/02 Мартин, кафедральный кустош виленской капитулы.

В конце XV в. забота о нуждах литовского общества в краковском университете усиливается. В 1488–1489 гг. среди младших наставников как *extraneus non de facultate* (чужой) появляется Андрей князь Свирский и преподает Аристотеля; вместе с ним в зимний семестр 1488–89 г. – Адам Якубович из Котры в качестве *extraneus'a* объясняет Горация. Первый, как известно, стал виленским каноником, а второй – нотариусом великого князя Александра [42, с. 70]. Князь Януш Гаштовт с 1488 г. несколько лет пребывал в коллегиуме, а в зимний семестр 1490–91 записался в альбом имматрикуляций среди 7 школяров из Вильни.

Пример Адама Якубовича из Котры демонстрирует, как молодой человек мог сделать карьеру с помощью образования. Его отец Якуб – писарь канцелярии ВКЛ – в источниках упоминается

в 1449–1466 гг. Начальное образование Адам Якубович получил в виленской кафедральной школе, затем более 10 лет он находился в Краковском университете (1478–1489) на содержании князя Андрея Свирского. В 1482 г. стал бакалавром, в 1488 г. магистром [43, с. 74, 82], а в зимнем полугодии 1488/1489 занимался изучением Горация. Вернувшись в Вильно работал (в 1492 г.) в канцелярии в качестве писаря (нотариуса) и участвовал в разных посольствах: в 1494 г. два раза в Москву по делу о сохранении православной веры будущей жены Александра Ягеллончика Елены; в 1496 г. в Краков по делу имущественного обеспечения королевича Сигизмунда Казимировича. Из-под его пера вышел акт Виленской унии 1499 г. (латинский вариант), в котором была приписка по-русски: «Писал Адам Якубович с Котры» [44, с. 14]. Кстати, обе записи в книге «*Majus, De prisorum verborum proprietate*» (о которой писалось выше) – латинская и старобелорусская – свидетельствуют о национальном самосознании автора: он подчеркивал своё происхождение из Литвы, которая в его представлении (а скорее всего и в представлениях тогдашних жителей ВКЛ) распространялась на «волюсть городенскую». Белорусскоязычная запись должна была пролить свет на судьбу владельца книги. Он хотел, чтобы каждый, кто раскрывает книгу, узнал, что Адам из Котры был братом Зброшковым (фигурирует в Метрике Литовской), благодаря которому владделец книги смог «на науку до Кракова» выехать, а до того выучиться в виленской школе при костёле св. Станислава, где каноником и кустошем был князь Ендрий (Андрей Свирский, также магистр Краковской академии) [43, с. 81; 45, с. 97]. Таким образом, используя герменевтический метод, можно «развернуть» короткую владельческую запись в книге в широкую панораму тогдашних общественно-семейно-образовательных отношений.

Имение Котра в Гродненском повете в пожизненное владение Адам получил от великого князя Александра за добрую службу, а управлял имением его брат Зброшка Якубович. Позже великий князь Александр дал Адаму Якубовичу сандомирскую канонию. Однако Адам остался в Вильно в великокняжеской канцелярии, участвовал в качестве секретаря в 1505 г. в комиссии по урегулированию литовско-ливонской границы. Во времена Сигизмунда Старого был назначен виленским каноником и в 1510 г. записан полным титулом – «*Venerabilis Adam Jakubowicz de Kotra, Vilmensis et Sandomir eccl. canonicus*». Он был не только писарем и каноником, но также послом «по особым поручениям» великих князей литовских Александра, а затем Сигизмунда Старого. Так, вместе с «паном Воитехом Яновичом, маршалкомъ и охмистром королевое ея милости, наместникомъ ковенскимъ и белскимъ» Адам ездил из Гродно 26 ноября 1507 г. к «мистру лифлянтскому», с целью подтверждения «вечного мира» с Лифлянтами [46, с. 114–117, 427]. Еще раз встречаем писаря Адама Якубовича в составе сокольничих, которые отправлялись из Кракова 12 сентября 1510 г. В Виленской капитуле его имя упоминается последний раз 21.12.1516 г. Адам из Котры является одним из ярких примеров культурного влияния Краковского университета на землях ВКЛ. Кстати, последователи Франциска Скорины на ниве белорусского книгопечатания из радзивилловских офисин в Бресте и Несвиже – Циприан Базилик, Мацей Кавячинский, Вавжинец (Лаврентий) Крышковский, Симон Будный – также свои прогрессивные идеи вынесли из краковской *alma mater*.

Учился там и Абрахам Кульвец (Кульва), с именем которого связывают распространение реформационных идей в ВКЛ к середине XVI в. Ключевая роль в этом процессе принадлежала канцлеру и виленскому воеводе Николаю Радзивиллу Чёрному. Это он ввёл здесь немецкий принцип – *cujus regio, ejus religio*. У него появилось большое количество единомышленников (вплоть до самого великого князя Сигизмунда Августа) [47, с. 147–148]. Сторонники лютеранства и других реформационных течений понизили значение школы в распространении своих идей. Именно поэтому Абрахам Кульвец, высоко образованный человек (учился в Кракове, Витенберге, Лейпциге, Сиене), стараясь создать в Вильно интеллектуальную среду, открыл здесь школу. Он также имел большую, хорошо подобранную библиотеку, в которой можно было найти труды Гомера, Демосфена, Гесиода, Платона, Аристотеля, Сафокла, Аристофана, Еврипида, и которая была, по свидетельствам современников, лучше библиотеки Сигизмунда Старого и вторая после книгособора польского канцлера Петра Томицкого. Он основал школу при костёле св. Анны, которая, опираясь на новые принципы и направления интеллектуальной мысли, должна была, по мнению Кульвеца, исполнять роль умственного фермента и стать важным инструментом и инкубатором новой идеологии и культуры. Эта школа выросла из симбиоза латинско-греческой мысли. Школа действовала три года (1540–1542), после чего из-за реформаторских взглядов Кульвец вынужден был спасаться бегством в Королевец, где работал в созданном там в 1544 г. герцогом Альбрехтом Прусским университете [48, с. 188–201].

Протестантские школы создавались Николаем Радзивиллом Чёрным, в них работали лучшие умы из Короны и Европы, сторонники реформационных идей: Бернард Воевудка, один из первых гебраистов, Ян Мончиньский, лексикограф, Анджей Тшеческий, назначенный Жаном Кальвином переводить кальвинскую Библию, Симон Будный и Мартин Чеховиц, знаменитые филологи, Пётр из Гонёндза – диалектик, Циприан Базилик – литератор и переводчик, Юрий Бландрата – итальянский ересиарх и, наконец, издатель, литератор и печатник Ян Малецкий [47, с. 271–285].

Как заметил польский исследователь жизни и деятельности Николая Радзивилла Чёрного Юзеф Яновский, «если бы не изобретение Гутенберга, реформационные идеи Лютера и Кальвина не облетели бы так быстро почти всю Европу и не смогли бы произвести такого значительного и глубокого переворота, который

мы называем реформацией» [47, с. 271]. Действительно, виленский воевода осознавал необходимость не только открывать школы, но и основал типографию в своих владениях в Бресте (1553 г.), где была издана протестантская Библия (1563 г.). В своем завещании Николай Радзивилл отписал «все Библии, напечатанные в Бресте» протестантскому сбору, «где тело будет погребено и на школу» [47, с. 305].

Конкуренцию в области просвещения протестантам составляло Общество Иисуса (*Societatis Jesu*). Успехи протестантов подтолкнули иезуитов к более решительным шагам в сфере католического образования. В результате возникла Виленская иезуитская коллегия (1569 г.), а затем академия (1579 г.). Таким образом, реформационные идеи, пришедшие в Великое Княжество Литовское из Западной Европы, послужили мощным катализатором интеллектуальной жизни, а также свидетельством того, что европейские религиозные и культурные тенденции очень быстро находили свое воплощение в общественной жизни ВКЛ. Однако венцом образовательной системы ВКЛ явилась Виленская иезуитская академия [49; 50].

Следующим фактором европеизации Великого Княжества Литовского, на наш взгляд, можно считать распространение идей Флорентийской унии среди православного населения, в результате чего продолжало сокращаться пространство *Slavia orthodoxa*, а расширялось *Slavia romana*. Этот процесс, начавшись в конце XV в., затормозился в XVI в. в связи с бурными процессами распространения реформационных идей среди белорусско-литовской шляхты, но все-таки был завершён с принятием Брестской церковной унии в 1596 г.

С момента разделения христианства на западное и восточное в 1054 г. началось встречное движение двух новообразованных конфессий. На очередных вселенских соборах вновь и вновь западное духовенство возвращалось к идее единства церкви [51]. Проблема сосуществования христианских вероисповеданий обострилась в Великом Княжестве Литовском в конце XIV – начале XV в., что нашло отражение в постановлениях Констанцкого собора (1414–1418). Король Польши Владислав-Ягайло 2 августа 1416 г. писал в своем письме к собору в Констанции: «Если бы не препятствия из-за долгих войн, оба те народы (литвины и русины – А.С.), а также другие, уже поспешили бы в большом количестве из греческого обряда в святой римский костёл» [52, с. 171]. Но наиболее актуально проблема объединения звучала накануне турецкой агрессии на Константинополь в середине XV в.

Собор в Базеле-Ферраре-Флоренции-Риме (1431–1445) ставил своей целью восстановление единства христианской церкви. Для достижения ее пригласили делегатов восточных церквей. Заседания проводились сначала в Базеле (25 сессий), затем в Ферраре, куда прибыли православные епископы и теологи, император Иоанн VIII Палеолог, патриарх Константинополя, представители патриархов Александрии, Антиохии и Иерусалима, а также несколько митрополитов.

Когда папа Евгений IV перенёс заседания в Феррару (в 1437 г.), часть участников (в том числе делегация из Польши) осталась в Базеле (до 1443 г., сессии 26–45). Это был так называемый «анти-собор». Его участники сняли с престола Евгения IV и выбрали антипапу Феликса V, из рук которого Збигнев Олесницкий (самый влиятельный политик середины XV в. в Польше) получил кардинальскую тиару в 1440 г. [52, с. 274]. Естественно, всё, что происходило на последующих заседаниях во Флоренции ими воспринималось негативно.

Документы унии не были приняты восточными церквями и остаются лишь свидетельством стремления католического костёла к единству христиан. Большинство православных верующих не согласились с постановлениями собора, половина православных епископов, которые их подписали также отrekliсь от нее. Киевский митрополит Исидор (?–1462), горячий приверженец унии, вынужден был покинуть свою митрополию. В 1443 г. против флорентийской унии высказался синод в Иерусалиме, в котором участвовали также патриархи Александрии и Антиохии [53, с. 54]. В 1450 г. синод, созданный в храме Агия София в Константинополе, отрекся от унии и скинул патриарха Григория III. В 1452 г. папа Николай V послал митрополита Исидора в Константинополь. Накануне турецкого вторжения, 12 декабря 1452 г., уния все-таки была торжественно подписана в присутствии императора. Это была лишь попытка получить военную помощь с Запада, но никаких конкретных результатов она не имела. Противники унии заявили, что лучше они станут турками, чем латинниками.

Однако феррарско-флорентийский собор не остался безрезультатным. Он положил начало региональному унийному движению, имевшему продолжение в следующие столетия [53, с. 54]. Исидор, подписавший акт флорентийской унии, получил от папы Евгения IV звание кардинала, был назначен апостольским легатом в «северных странах». Во время посещения Киева он получил письмо от киевского князя Александра Владимировича (Олельки) с признанием неприкосновенности митрополичьих владений и судебных прерогатив, что свидетельствовало об его официальном признании в качестве митрополита [54, с. 679]. Преемник Исидора на киевской митрополии, Григорий II (Болгарин), был лояльно настроен относительно унии. В 1460 г. сейм в Бресте официально признал его законным митрополитом. В своей деятельности он поддерживал контакты как с Римом, так и с Константинополем. После его смерти киевским митрополитом стал смоленский епископ Мисаил (Пструцкий, Пструх). С именем Мисаила связаны 2 послания к папе римскому Сиксту IV. Как считают исследователи, оба они не дошли до понтифика, но представляют собой значительные религиозно-политические произведения. Первое письмо, возможно,

было передано папскому легату Антонию Бонумбро, когда тот возвращался из Москвы весной 1473 г. [55, с. 66], второй появился в 1476 г. В данной статье мы не касаемся вопроса аутентичности последнего послания, хотя большинство исследователей признают его аутентичным [56, с. 79–107; 57, с. 97–115; 58, с. 58–103].

Под письмом к папе Сиксту IV от 14 марта 1476 г. поставили свои подписи 16 известных особ, принадлежащих к политической элите Великого Княжества Литовского. Их идентифицировал польский историк Генрих Люлевич. Это были: 1) сам епископ смоленский Мисаил; 2) архимандрит Киево-печерского монастыря Иоанн; 3) Макарий, архимандрит виленского троицкого монастыря; 4) князь Михаил Олелькович (Александрович), род которого происходил от киевского князя Владимира Ольгердовича, родного брата Ягайло; 5) князь Фёдор Иванович Бельский (из Белой под Смоленском); 6) князь Дмитрий Константинович Вяземский; 7) Ян (Ивашка) Ходкевич, наместник витебский, маршалок господарский; 8) его брат Павел (Пацка Ходкевич), наместник Каменца Литовского; 9) Евстахий Василевич из Полоцка, родоначальник Корсаков; 10) пан Роман из Киева (представитель рода Волчковичей), староста путивльский; 11) его брат пан Ян из Киева (Ивашка Волчкович); 12) ученый в законе божим пан Якуб, писарь Казимира Ягеллончика, виленский ключник; 13) пан Михаил Александрович из Загорова, шляхтич волынской земли; 14) Ян (Иван) Александрович из Почапова около Новогрудка, подскарбий господарский; 15) его брат Андрей из Папорти (трокское воеводство); 16) пан Солтан (Александр) Александрович, славный рыцарь божегробский и испанского Золотого руна, подскарбий великий надворный короля Казимира [57, с. 103–113].

Как видно, названные личности представляли разные регионы ВКЛ. Среди них 3 духовные особы, 3 князя и 10 разных панов из так называемых русских земель ВКЛ (Полоцка, Витебска, Смоленска, Киева, Волыни) и собственно Литвы (виленского и трокского воеводств) [57, с. 102–103]. Все они представляли довольно репрезентативный и влиятельный круг православной элиты ВКЛ. За каждым стояла довольно значительная свита сторонников, родственников и т.д., многие из которых разделяли их взгляды. Например, за самим Мисаилом, владевшим вотчиной в Черее, очевидно, стояли Сапегы [57, с. 103].

Иван Сапега (около 1450–1517), господарский секретарь и канцлер княгини Елены (жены Александра Ягеллончика), воевода витебский и подляшский, двух своих сынов, Петра и Павла, отдал учиться в Краковскую Академию [42, с. 75–76], которая, как уже было сказано, обслуживала в основном интересы католической шляхты и клира. Вместе с Эразмом Тёлком он ездил в Рим по делам унии и признания митрополита Иосифа Солтана (?–1521) римской курией. Папа Александр VI (Борджиа) в апреле и мае 1501 г. писал виленскому епископу Войцеху Табору и великому князю литовскому, справляясь о митрополите Иосифе, о т.н. греческом обряде и спрашивал совета в отношении объединения католического костёла и православной церкви [59, с. 484, 486; 60, с. 71]. Тогда же понтифик своей буллой от 23 августа 1501 г. высказался в духе флорентийского собора против ребаптизации (перекрещивания православных), как ему рекомендовали Иван Сапега, Эразм Тёлок и бернардинцы литовской провинции [55, с. 82–83].

Историк ордена бернардинцев Ян из Комарова писал: «Между прелатами и докторами, с одной стороны, и нашими братьями, с другой, дошло до обсуждения о ребаптизации греков (православных – А.С.), обряд которых сохраняют русины и о допущении их до святых обрядов в наших латинских костелах. Светские прелаты и доктора утверждали, что греки при переходе на наш обряд должны быть заново крещены (rebaptisari) и только тогда могут приступать к таинствам в наших костелах, в то время как наши братья, а прежде всего министр провинции отец Ян (Vitreatoris) придерживались противоположного мнения, что именно ребаптизация не требуется, достаточно признать одного главу костела, т.е. папу римского и обещать быть ему послушным; кто это сделал, тому можно без всякой ребаптизации... приступать к таинствам в наших костелах и такой должен считаться настоящим католиком» [61, т. 1, с. 71–72].

Идеи, высказанные Яном из Комарова (около 1465–1536), провинциалом польских бернардинцев и гвардианом виленского монастыря [62, с. 457], безусловно, отразились на судьбе Франциска Скорины, который, как считают исследователи, мог посещать бернардинскую школу в Полоцке, а затем кафедральную в Вильно и был непосредственно знаком с тогдашними экуменическими взглядами. Скорина, в жизни и творчестве которого исследователи находят и католические, и протестантские мотивы, не обязан был менять веру своих предков, чтобы учиться в католической Краковской академии, либо встречаться с деятелями Реформации, что приписывают ему некоторые историки.

Ивану Сапеге папа римский разрешил построить храм, в котором службы проводились бы как по греческому, так и по римскому обряду. Исследователи склоняются к мысли, что такой храм был построен в Иказни (Браславский р-н Витебской обл.) [61, с. 77; 63, с. 341; 64, с. 101–103].

Сапегам в этот период принадлежали многочисленные латифундии в различных концах ВКЛ. Такой храм мог быть построен как в Кодене на Подляшье, так в Сапежишках, Иказни на Виленщине. Все готические храмы в названных местностях весьма похожи друг на друга [65, с. 137–214], а также на инкастелированную церковь в Сынковичах и церкви оборонного типа в Мурованке (Гродненская обл.) и Супрасли (Подляшское воеводство Польши). Все эти храмы, возведенные приблизительно в один период, являются, на наш взгляд, результатом распространения идей флорентийской унии среди влиятельной православной элиты Великого

Княжества Литовского. Так, по крайней мере, можно предполагать о монастыре в Супрасли, основанном маршалком ВКЛ Александром Ходкевичем около 1495 года [66, с. 8–13; 67, с. 110–111; 68, с. 6]. Среди подписантов эпистолы Сиксту IV упоминаются представители рода Ходкевичей (Ивашка и Пацка Ходкевичи), весьма многочисленного и разветвленного в ВКЛ [69, с. 34–56]. Поэтому, видимо, Александр Ходкевич и основал в своих владениях в Супрасли унийный монастырь [63, с. 212].

Кстати, все вышеназванные подписанты письма Сиксту IV были тесно связаны между собой: Бельские – близкие родственники Олельковичей (Михаил Олелькович и Фёдор Бельский были двоюродными братьями, их родители – Олелька Владимирович и Иван Владимирович Бельский были родными братьями) [63, с. 47]. Второй подписант – печерский архимандрит Ян – имел хорошие отношения с киевским князем Семёном Александровичем (Олельковичем) [63, с. 105]. Князь Фёдор Иванович Бельский по матери Василисе (старшей сестре королевы Софьи Гольшанской) был связан с князьями Гольшанскими. Так ширится круг сторонников церковной унии на следующие литовские роды.

Последние четыре подписи принадлежат сыновьям Александра Юрьевича, подскарбия Казимира Ягеллончика – Михаилу, Ивану, Андрею и Александру. Был, кстати, и пятый сын – Юрий Александрович, основатель рода Богушевичей. Александр (Солтан) был чрезвычайно яркой фигурой нашей истории. Как и Александр Ходкевич, он основал один из наиболее известных православных монастырей в Великом Княжестве Литовском – Жировичский. Его жизнь могла бы стать сюжетом не одного приключенческого романа. Он посетил рекордное количество стран, приобретая славу доблестного рыцаря при европейских дворах. 20 апреля 1467 г. в Гродно он получил от Казимира Ягеллончика рекомендательное письмо к европейским монархам, с которым пустился в длительное путешествие, продолжавшееся несколько лет [70, с. 98–99]. В декабре этого же года он был при дворе императора Фридриха III, засвидетельствовав ему, что едет учиться рыцарскому мастерству. От папы Павла II получил специальное письмо с благословением. Немного ранее, 5 марта того же года, Солтан получил рекомендацию от короля Сицилии Фердинанда Арагонского, который имел титул иерусалимского короля. Затем, до декабря 1468 г., следы Солтана теряются, возможно, он пребывал в Палестине. Известно, что в декабре он находился при дворе князя Милана Галеццо Марии Сфорца, который в специальном документе рекомендовал его другим царствующим особам. В марте следующего года, после посещения Кастилии, Солтан выехал в Португалию, о чем свидетельствовало письмо короля Альфонса от 17 марта 1469 г. Под конец мая Александр Солтан встретился с герцогом Бургундии Карлом Смелым в Кортрей (Courtrai), где был хорошо принят и удостоен звания шамбеляна, а также получил Орден Золотого Руна (что скорее всего, как считает Г. Люевич, было семейной легендой) [57, с. 113]. От герцога Карла, в свою очередь, получил рекомендацию к королю Эдуарду IV, который одарил Солтана золотой цепью и каким-то орденом. Так, богато одаренный, наш соотечественник вернулся домой кавалером Божьего Гроба, шамбеляном герцога Бургундии, возможно, кавалером ордена Золотого Руна, с золотой цепью от короля Англии Эдуарда IV. Позднее он стал надворным подскарбием литовским и, как считается, совершил пресловутое посольство православного духовенства к папе римскому Сиксту IV [71, с. 65–80; 72, с. 17–18; 70, с. 98–99].

Можно было бы предполагать, что распространение католических идей на православных землях было важно для централизации государства и формирования единого политического народа. Однако всё было далеко не так просто. Идея церковной унии встретила протест со стороны не только большинства православных иерархов, но и католических также [73, с. 225]. Как было сказано выше, главной причиной неприязненного отношения к унии в католическом лагере был разлад между сторонниками «антисобора» в Базеле и собора во Флоренции [55, с. 52]. Например, виленский епископ Мацей, сторонник базельского собора, отмечал, что не признает флорентийского собора, папу Евгения V и его легата Исидора. Значительно позже, в 1501 г., виленский епископ Войцех Табор также высказывался против постановления флорентийской унии и способствовал изданию антиунийного сочинения Яна из Освенцима (Сакрануса) *Elucidarius errorum ritus Ruthenici* [61, с. 75–76].

Интерес к идее унии отмечается во время и сразу после флорентийского собора, чему способствовали митрополиты Исидор, Григорий Болгарин, Мисаил. К идее церковной унии элиты вновь вернулись после 1495 г., что было связано с внутри- и внешнеполитическими событиями, в первую очередь, отношениями с Великим Княжеством Московским. О ее распространении мы узнаем из письма подьячего Фёдора Шестака Ивану III (1499 г.) [74, с. 370]. Ф. Шестаки обвинял митрополита Иосифа Болгаринича (?–1501) и Ивана Сапегу в преследованиях православных в ВКЛ. Религиозный момент послужил также причиной войны 1500–1503 гг. между Московией и Литвой [75, с. 251–252].

Православным по-прежнему было трудно достичь высших должностей в государстве. В 1522 г. не без скандала православный князь Константи́н Острожский стал трокским каштеляном. Жигимонт Старый обещал не давать православным высших должностей [76, с. 8], однако это правило нарушалось на каждом шагу. И даже такой рьяный ревнитель православия, как князь К. Острожский, по просьбе смертельно больного митрополита Иосифа Солтана (сторонника флорентийской унии) стал опекуном церковной собственности, которая принадлежала киевской митрополии [77, с. 46–47]. Обращает на себя внимание тот факт, что среди митрополитов киевских второй половины XV – начала XVI в. большинство

положительно относилось к идее унии. Однако к середине XVI ст. мы наблюдаем угасание интереса к идее флорентийской унии. Но это не было, как иногда представляют, победой традиционного православия. Причина была в появлении новой религиозно-политической опции – реформационной. Через нее прошли почти все самые значительные представители православной элиты, чтобы потом уже не вернуться в православие, а перейти в католический лагерь [78, с. 116].

Заключение. Если открыто признать, что идеи флорентийской церковной унии в Великом Княжестве Литовском сыграли значительную роль в культурно-религиозной и политической жизни, то можно решить сразу несколько загадочных вопросов нашей истории: откуда взялись прекрасные готические церкви оборонного типа в Супрасли, Мурованке, Сынковичах, проблема вероисповедания Франциска Скорины и т.д. Постановления флорентийского собора отразились также на всех культурно-религиозных и общественных процессах начала XVI в. Наконец, исследуя влияние идей флорентийской унии на общественную и религиозную жизнь ВКЛ, можно приблизиться к пониманию того, почему и как произошла латинизация и полонизация нашей культуры в XVI в.

Матвей Любавский в своем труде «Литовско-русский сейм» пришел к выводу, что к полонизации внутри Великого Княжества Литовского вела унификация законодательства с Коронай, «подгонка» его под польские образцы, проведение совместной внутренней и внешней политики [2, с. 179]. К этому можно добавить общую систему образования, которая вела к общему культурному пространству, объединению интеллектуальных элит и дальнейшей европеизации жизни в Великом Княжестве Литовском, а также объединение церковей под эгидой римского папы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пиккио, Р. *Slavia Orthodoxa: Литература и язык* / Р. Пиккио. – М.: Знак, 2003. – 720 с.
2. Любавский, М. *Литовско-русский сейм. Опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешнею жизнью государства* / М. Любавский. – М.: Университетская типография, 1900. – 1151 с.
3. Лаппо-Данилевский, А.С. *История русской общественной мысли и культуры XVII – XVIII вв.* / А.С. Лаппо-Данилевский. – М.: Наука, 1990. – 293 с.
4. Герберштейн, С. *Записки о Московии: в 2 т.* / С. Герберштейн. – М.: Памятники исторической мысли, 2008. – Под ред. А.Л. Хорошкевич. Т. 1: Латинский и немецкий тексты, русские переводы с латинского А.И. Малеина и А.В. Назаренко, с ранненововерхнемецкого А.В. Назаренко. – 776 с.
5. Possevino, A. *Moscovia, po raz pierwszy w całości przetłumaczył ks. Albert Warkotsch / A. Possevino.* – Warszawa: Instytut Wydawniczy PAX, 1988. – 280 s.
6. Харлампович, К.В. *Западнорусские православные школы XVI и начала XVII века, отношение их к инославным, религиозное обучение в них и заслуги их в деле защиты православной веры и церкви* / К.В. Харлампович. – Казань: Типолитография Императорского университета, 1898. – 598 с.
7. Łukaszewicz, J. *Historia szkół w Koronie i w Wielkim Księstwie Litewskim od najdawniejszych czasów aż do roku 1794* / J. Łukaszewicz. – Poznań: wydawca Jan Konstanty Żupanski, 1849. – Т. I. – 480 s.
8. Karbowski, A. *Dzieje wychowania i szkół w Polsce w wiekach średnich* / A. Karbowski. – Petersburg-Lwów-Warszawa-Kraków: Nakładem księgarni Kazimierza Grędyński, 1898-1923. – Т. I–III.
9. Голенченко, Г.Я. *Студенты Великого княжества Литовского в Краковском университете XV–XVI вв.* / Г.Я. Голенченко // *Культурные связи народов Восточной Европы в XVI веке. Проблемы взаимоотношений Польши, России, Украины, Белоруссии и Литвы в эпоху Возрождения* / под ред. акад. Б.А. Рыбакова. – М.: Наука, 1976. – С. 228–240.
10. Ochmański, J. *Dawna Litwa. Studia historyczne* / J. Ochmański. – Olsztyn: Wydawnictwo Pojezierze, 1986. – 223 s.
11. Андрэева, Е.Г. *Асвета ў старажытнай Беларусі і Вялікім княстве Літоўскім* / Е.Г. Андрэева. – Мінск: БДПУ ім. М. Танка, 2000. – 72 с.
12. Блинова, Т.Б. *Иезуиты в Беларуси (Их роль в организации образования и просвещения)* / Т.Б. Блинова. – Гродно: ГрГУ, 2002. – 425 с.
13. Puchowski, K. *Jezuickie kolegia szlacheckie Rzeczypospolitej Obojga Narodów. Studium z dziejów edukacji elit* / K. Puchowski. – Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2007. – 636 s.
14. Paszkiewicz, H. *Początki Rusi / z rękopisu przygotował Krzysztof Stopka* / H. Paszkiewicz. – Kraków: Nakładem PAU, 1996. – 593 s.
15. Jarco, J. *Ruś – imię „chrzcielne” narodów wschodnioeuropejskich* / J. Jarco // *Teologia i kultura duchowa Starej Rusi. Redaktorzy tomu W.Hryniewicz OMI, J.S. Gajek MIC.* – Lublin: Redakcja Wydawnictwa KUL, 1993. – S. 77–87.
16. Семянчук, Г. *Ці існавала старажытнаруская народнасць, альбо пра «кальску» беларускага народу* / Г. Семянчук // *Спадчына.* – 2003. – № 6. – С. 9–21.
17. Лазутка, С. *Первый Литовский Статут (1529 г.)* / С. Лазутка, И. Валиконите, Э. Гудавичус. – Вильнюс: Margi raštai, 2004. – 522 с.
18. Le Goff, J. *Kultura średniowiecznej Europy* / J. Le Goff. – Warszawa: Oficyna Wydawnicza Volumen, 1995. – 591 s.
19. Свяжынскі, У. *Моўная сітуацыя ў ВКЛ пры Ягелонах // Ягелоны: дынастыя, эпоха, спадчына: матэрыялы Міжнар. навук.-практ. канф., Гальшаны-Навагрудак, 8–10 верас. 2006 г.* / НАН Беларусі, Ін-т гісторыі; рэд. кал.: А. А.Каваленя (адказ. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Беларус. навука, 2007. – С. 115.
20. Kosman, M. *Historia Białorusi* / M. Kosman. – Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1979. – 375 s.
21. Макараў, М. *Ад пасада да магдэбургіі: прававое становішча насельніцтва местаў Беларускага Падзвіння ў XIV – першай палове XVII ст.* / М. Макараў. – Мінск: Экаперспектыва, 2008. – 248 с.

22. Kodeks dyplomatyczny katedry i diecezji wileńskiej / red. J. Fijałek i W. Semkowicz. – Kraków : Komisja Historyczna PAU, 1932. – T. I, z. 1. – S. 17–19.
23. Ochmański, J. Historia Litwy / J. Ochmański. – Wrocław-Warszawa-Kraków : Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1990. – 396 s.
24. Kurczewski, J. Biskupstwo wileńskie od jego założenia aż do dni obecnych, zawierające dzieje i prace biskupów i duchowieństwa diecezji wileńskiej oraz wykaz kościołów, klasztorów, szkół i zakładów dobroczynnych i społecznych / J. Kurczewski. – Wilno : Nakładem i drukiem Józefa Zawadzkiego, 1912. – 614 s.
25. Dokumenty Soborów Powszechnych. Tekst grecki, łaciński, polski. T. II (869–1312) Konstantynopol IV. Lateran I, Lateran II, Lateran III, Lateran IV, Lyon I, Lyon II, Vienne. – Kraków : Wydawnictwo WAM, 2003. – 680 s.
26. Культура Византии. IV – первая половина VII в. – М. : Наука. – 1984. – С. 478–503.
27. Культура Византии. Вторая половина VII – XII в. – М. : Наука. – 1989. – С. 366–400.
28. Kłoczowski, J. Młodsza Europa. Europa Środkowo-Wschodnia w kręgu cywilizacji chrześcijańskiej średniowiecza / J. Kurczewski. – Warszawa : Państwowy Instytut Wydawniczy, 2003. – 534 s.
29. Delumeau, J. Cywilizacja Odrodzenia / J. Delumeau. – Warszawa : Państwowy Instytut Wydawniczy, 1987. – 651 s.
30. Семянчук, А. Магнацкія двары як цэнтры гістарыяграфіі ў Вялікім княстве Літоўскім у XVI ст. / А. Семянчук // Магнацкі двор і сацыяльнае ўзаемадзеянне (XV–XVIII стст.) : зб. навук. прац. – Мінск : Медысон, 2014. – С. 139–157.
31. Груша, А.И. Документальная письменность Великого Княжества Литовского (конец XIV–первая треть XVI в.) / А.И. Груша. – Минск : Беларуская навука, 2015. – 465 с.
32. Wiśniowski, E. Sieć szkół parafialnych w Wielkopolsce i Małopolsce w początkach XVI wieku / E. Wiśniowski // Roczniki Humanistyczne. – 1967. – T. 15. – S. 93–98.
33. Stopka, K. Szkoły katedralne metropolii gnieźnieńskiej w średniowieczu. Studia nad kształceniem kleru polskiego w wiekach średnich / K. Stopka. – Kraków : Nakładem PAU, 1994. – 348 s.
34. Fałowski, A. Język przekładu Katechizmu Jezuickiego z 1585 roku / A. Fałowski // Studia Ruthenica Cracoviensia 2. – Kraków : Scriptum, 2003. – 262 s.
35. Wisłocki, W. Incunabula typographicae Bibliothecae Universitatis Jagiellonicae / W. Wisłocki. – Kraków, 1900. – S. 368.
36. Sołtykiewicz, J. O stanie Akademii Krakowskiej od założenia jej w Roku 1347, aż do terazniejszego czasu krótki wykład historyczny / J. Sołtykiewicz. – Kraków : W druk. Groblowskiej, 1810. – 726 s.
37. Kaniowska, I. Młodzież Uniwersytetu Krakowskiego w latach 1510–1560. Studium statystyczne / I. Kaniowska, R. Żelewski, W. Urban // Studia z dziejów młodzieży Uniwersytetu Krakowskiego w dobie renesansu. – Kraków : Nakładem UJ, 1964. – 199 s.
38. Chachaj, M. Zagraniczna edukacja Radziwiłłów od początku XVI do połowy XVII wieku / M. Chachaj. – Lublin : Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 1995. – 171 s.
39. Pietrzyk, Z. W kręgu Straszburga. Z peregrynacji młodzieży z Rzeczypospolitej polsko-litewskiej w latach 1538–1621 / Z. Pietrzyk. – Kraków : Nakładem Biblioteki Jagiellońskiej, 1997. – 303 s.
40. Kersten, A. Hieronim Radziejowski. Studium władzy i opozycji / A. Kersten. – Warszawa : PIW, 1988. – 685 s.
41. Beauvois, D. Szkolnictwo polskie na ziemiach litewsko-ruskich 1803–1832 / D. Beauvois. – Lublin : Redakcja Wydawnictw KUL, 1991. – T. I. – 432 s.
42. Morawski, K. Historia Uniwersytetu Jagiellońskiego. Średnie wieki i Odrodzenie / K. Morawski. – Kraków : Druk. Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1900. – T. 1. – S. 90.
43. Księga promocji wydziału sztuk Uniwersytetu Krakowskiego z XV wieku / red. Antoni Gasiorowski. – Kraków : Nakładem PAU, 2000. – 252 s.
44. Семянчук А. Адам Якубавіч з Котры / А. Семянчук // Вялікае княства Літоўскае : энцыклапедыя / рэдкал.: Т.У. Бялова (гал. рэд.). – Мінск : Беларус. энцыкл. імя П. Броўкі, 2010. – Т. 3 : Дадатак. А – Я. – С. 14.
45. Tęgowski, J. Rodowód kniaziów Swirskich do końca XVI wieku / J. Tęgowski. – Wrocław : Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2011. – 220 s.
46. Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 8 (1499–1514) / red. A. Baliulis. – Vilnius : Mokslo ir enciklopediju leidykla, 1995. – P. 92–94, 114–117, 427.
47. Jasnowski, J. Mikołaj Czarny Radziwiłł (1515–1565). Kanclerz i marszałek ziemski Wielkiego Księstwa Litewskiego, wojewoda wileński / J. Jasnowski. – Oświęcim : Wydawnictwo NapoleonV, 2014. – 321 s.
48. Barycz, H. Szlakami dziejopisarstwa staropolskiego. Studia nad historiografią w. XVI–XVIII / H. Barycz. – Warszawa-Wrocław-Kraków : Ossolineum, 1981. – 415 s.
49. Bednarski, S. Geneza Akademii Wileńskiej / S. Bednarski // Księga Pamiętnicza ku uczczeniu 350 rocznicy założenia i X wskrzeszenia uniwersytetu wileńskiego. – Wilno : Wydawnictwo Uniwersytetu Stefana Batorego, 1929. – 298 s.
50. Bednarski, S. Upadek i odrodzenie szkół jezuickich w Polsce. Studium z dziejów kultury i szkolnictwa polskiego / S. Bednarski. – Kraków : Wydawnictwo księży Jezuitów, 1933. – 565 s.
51. Chadwick, H. East and West: The Making of a Rift in the Church. From Apostolic Times Until the Council of Florence / H. Chadwick. – Oxford : Oxford University Press, 2003. – 589 p.
52. Dokumenty Soborów Powszechnych. Tekst łaciński, grecki, arabski, ormiański, polski. T. III (1414–1445). Konstancja. Bazylea–Ferrara–Florencja–Rzym / układ i opracowanie ks. A. Baron, ks. H. Pietras SJ. – Kraków : Wydawnictwo WAM, 2003. – S.171.
53. Hryniewicz, W. Prekursor unijnych dażeń Rusinów. Memoriał unijny metropolity Mizaela (1476) / W. Hryniewicz // Unia brzeska geneza, dzieje i konsekwencje w kulturze narodów słowiańskich. Praca zbiorowa pod red. R. Łuźnego, F. Ziejki i A. Kępińskiego. – Kraków : Universitas, 1994. – 555 s.
54. Galenchanka, Г. Ісідор / Г. Galenchanka // Вялікае Княства Літоўскае : энцыклапедыя у 2 т. / рэдкал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.). – Мінск : БелЭн, 2007. – Т. 1 : Абаленскі-Кадэньця. – С. 679.
55. Chodyncki, K. Kościół prawosławny a Rzeczpospolita Polska. Zarys historyczny 1370–1632 / K. Chodyncki. – Warszawa : Kasa im. Mianowskiego, 1934. – 665 s.

56. Галенчанка, Г.Я. Пасланне да папы рымскага Сікста IV 1476 г. Паходжанне помніка / Г.Я. Галенчанка // Наш радавод. Кн. 8. "Беларусы і палякі: дыялог народаў і культур X-XX ст." : матэрыялы міжнар. круглага стала, Гродна, 28–30 верас. 1999 г. / адказ. рэд. і ўклад. Д.В. Караў. – Гродна–Беласток, 1999 (2000). – С. 79–107.
57. Lulewicz, H. Problem identyfikacji postaci na Rusi litewskiej w drugiej połowie XV wieku / H. Lulewicz // Swiat pogranicza / red. nauk. M. Nagielski, A. Rachuba, S. Górzyński. – Warszawa : DiG, 2003. – S. 97–115.
58. Гудзяк, Б. Криза і реформа. Київська митрополія, Царгородський патріархат і генеза Берестейської унії / Б. Гудзяк, перекл. М. Габлевич ; під ред. О. Турія ; Інститут Історії Церкви Львівської Богословської Академії. – Львів, 2000. – С. 58–103.
59. Pelesz, J. Geschichte der union der ruthenischen Kirche mit Rom. Von den aeltesten zeiten bis auf die gegenwart von dr. Julian Pelesz / J. Pelesz. – Wurzburg–Wien : Verlag von Leo Woerl, 1878–1881. – T.1–2.
60. Chodyncki, K. Przyczynek do dziejów unji kościelnej na Litwie w w. XV / K. Chodyncki // Sprawozdania Poznańskiego Towarzystwa Przyjaciół Nauk. – 1932. – № 1–2. – S. 71.
61. Morawski, K. Historia Uniwersytetu Jagiellońskiego / K. Morawski. – Kraków : Druk. Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1900. – T. 2. Srednie wieki i Odrodzenie.
62. Jan z Komarowa / Polski słownik biograficzny. – Wrocław : Zakład Narodowy im. Ossolińskich – Wydawnictwo PAN, 1962. – T. X/1, z. 44. – S. 457.
63. Kirkiene, G. LDK politicos elito galingieji: Chodkeviciai XV – XVI amziuje / G. Kirkiene. – Vilnius : Vilniaus universiteto leidykla, 2008. – 341 s.
64. Jarmolik, W. Dyplomatyczne misje do Moskwy Iwana Sapiehy / W. Jarmolik // Białostoczczyzna. – 1993. – № 4. – S. 101–103.
65. Кушнярэвіч, А.М. Мураваная дабастыённая фартыфікацыя Вялікага Княства Літоўскага / А.М. Кушнярэвіч. – Мінск : Беларуская навука, 2011. – С. 137–214.
66. Maroszek, J. Dziedzictwo unii kościelnej w krajobrazie kulturowym Podlasia / J. Maroszek. – Białystok : Regionalny Ośrodek Studiów i Ochrony Środowiska Kulturowego w Białymstoku, 1996. – 63 s.
67. Maroszek, J. Pogranicze Litwy i Korony w planach króla Zygmunta Augusta. Z historii dziejów realizacji myśli monarszej między Niemnem a Narwią / J. Maroszek. – Białystok : Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, 2000. – 648 s.
68. Mironowicz, A. Nieznane losy pierwszych iumenów supraskich / A. Mironowicz. – Białystok : Wydawnictwo UwB, 2015. – S. 6.
69. Kirkiene, G. Korzenie rodu Chodkiewiczów / G. Kirkiene // Białoruskie Zeszyty Historyczne. – 2002. – T. 17. – S. 34–56.
70. Byliński, J. Zagraniczne studia Polaków w epoce staropolskiej / J. Byliński // Jezuitska Ars historica. Prace ofiarowane Księdzu Profesorowi Ludwikowi Grzebieniowi SJ. – Kraków : Wydawnictwo WAM, 2001. – S. 95–111.
71. В.а. Aleksander Sołtan szambelan Karola Zuchwałego i kawaler Złotego Runa // Przegląd Poznański. – 1862. – № 33. – S. 65–80.
72. Byliński, J. Fakty i mity w dziejach unii kościelnej XV–XVII w. / J. Byliński // Kultura polityczna w Polsce – mity i fakty. – Poznań : Wydawnictwo Uniwersytetu Adama Mickiewicza, 1999. – S. 17–18.
73. Trimoniene, R. Polityka jagiellońska a kształtowanie się litewskiego narodu politycznego w końcu XV – I połowie XVI wieku / R. Trimoniene // Białoruskie Zeszyty Historyczne. – 2003. – T. 19. – S. 225.
74. Сагановіч, Г. Вайна Маскоўскай дзяржавы з Вялікім княствам Літоўскім 1500–1503 / Г. Сагановіч // Вялікае Княства Літоўскае : энцыклапедыя ў 2 т. – Мінск : БелЭн, 2007. – Т. 1 : Абаленскі–Кадэццыя / рэдкал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.). – С. 370.
75. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью / С прил. Извлечений из монографии Б. М. Клосса «Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков». (Полное собрание русских летописей. Том XII). – М. : Языки русской культуры, 2000. – 272 с.
76. Kempa, T. Działalność hetmana Konstantego Iwanowicza Ostrogskiego na polu prawosławia / T. Kempa // Białoruskie Zeszyty Historyczne. – 1999. – T. 12. – S. 8.
77. Kempa, T. Dzieje rodu Ostrogskich / T. Kempa. – Toruń : Wydawnictwo Adam Marszałek, 2002. – 194 s.
78. Topolska, M.B. Społeczeństwo i kultura w Wielkim Księstwie Litewskim od XV do XVIII wieku / M.B. Topolska. – Poznań – Zielona Góra : Bogucki Wydawnictwo Naukowe, 2002. – 448 s.

Поступила 08.10.2018

THE EUROPIAZATION OF THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA

A. SEMIANCHUK

The mechanisms of "europeanization" of the social and political life of the Grand Duchy of Lithuania and the channels of distribution of European cultural models are considered in the article: religion, education, legal system, artistic culture. GDL was a multicultural space in which two civilizational models predominated - Slavia orthodoxa and Slavia romana. As the latter expanded, the former contracted. Under the civilization of Slavia orthodoxa is meant the heritage of Kievan Rus in the GDL. After the fall of the Byzantine Empire (1453), its cultural influence gradually fades. Under the Slavia romana civilization, one should mainly understand the Polish cultural influence, as well as the strengthening of the positions of the Catholic religion. There was a unification of the legal system of the Kingdom of Poland and the Grand Duchy of Lithuania, the spread of all-European artistic styles, which gave the culture a European character. The article also notes the importance of the Florentine union and the reformation in the process of oxydentalization GDL.

Keywords: *europeanization, oxydentalization, Grand Duchy of Lithuania, Slavia orthodoxa, Slavia romana, scholastic system, Florentine union, Renaissance, Reformation*